

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БОНДАРЬ

кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
alstar@inbox.ru

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО ПЕРФЕКТА: РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ КОНСТРУКЦИИ HABEN + ПРИЧАСТИЕ II

Целью статьи является синтактико-семантический анализ конструкции *haben* + причастие II на материале выборки из древневерхненемецких произведений. В исследовании применяется метод контекстуального анализа семантики глаголов, используемых в качестве второго причастия в конструкции, а также ее синтаксических особенностей. Новизна работы заключается в том, что детально показаны механизмы семантических сдвигов в рамках конструкции *haben* + причастие II, которая на протяжении всего периода обладала статально-результативной семантикой. Отталкиваясь от синтаксической модели сочетания посессивного глагола и флектированного причастия, анализируемая конструкция в ходе семантико-коллокационного расширения посессивного глагола и дальнейшего преобразования причастия по примеру предикативной формы прилагательного, а также конструкции *sin/wesan* + причастие II трансформируется в результатив второго типа с краткой формой причастия. В тексте Отфрида и в большей степени в произведениях Ноткера выделяется субъектный результатив. Основным выводом исследования, укладываемым в рамки теории грамматикализации, является тезис о том, что главным толчком к изменению конструкции выступали на разных ступенях ее развития семантические сдвиги в отношениях между компонентами внутри конструкции, что приводило к последующим синтактико-морфологическим трансформациям самой конструкции.

Ключевые слова: перфект, результатив, синтаксис, морфология, грамматическая семантика, грамматикализация, древневерхненемецкий

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Становление перфекта в немецком языке представляет интерес для исследователей, среди прочего, тем, что язык фиксирует все стадии его развития: от сочетания посессивного глагола и второго причастия со статально-результативной семантикой (результатив) к аналитической конструкции с темпорально-антериорной семантикой (перфект), а затем и к претеритной с последующим вытеснением в некоторых диалектах самого претерита. При этом остаются спорными вопросы относительно семантики конструкции на определенных этапах ее развития и механизмов, способствующих переходу морфологически и синтаксически практически идентичной конструкции к семантически совершенно разным ее реализациям.

В данной статье мы рассмотрим синтаксические и семантические характеристики конструкции *haben* + причастие II на примере материала, полученного методом сплошной выборки из следующих древневерхненемецких текстов: «Евангельская гармония» Татиана – IX век (между 825 и 850 годами, восточнофранкский диалект), «Книга Евангелий» Отфрида – IX век (между 863 и 871 годами, южно-рейнско-франкский диалект) и ряда произведений Ноткера (конец X века – начало XI века, алеманнский диалект).

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

В целом исследователи сводят семантику анализируемой конструкции к двум характеристикам: статально-результативная (результатив) и темпорально-антериорная (перфект). Так, М. М. Гухман и Н. Н. Семенюк полагают, что на ранних этапах развития конструкция *haben* + причастие II не была включена в общую временную систему и обладала особым статусом сочетания. В дальнейшем изменение конструкции связывается с увеличением частотности примеров с нефлектированными причастиями [4: 51–52]. Аналогичный ход мысли прослеживается и в работе Р. Риттенхауса [27: 99–100]. При этом в одной из статей М. М. Гухман отмечается, что поскольку

...нефлектированная форма могла стоять и в атрибутивном употреблении... отсутствие согласования причастия с дополнением отнюдь не свидетельствует о том, что это причастие оторвалось от дополнения и не осознается больше как определение к нему [5: 355].

Об изменениях может свидетельствовать, по мнению автора, только отсутствие дополнения в подобных сочетаниях [5: 355].

Анализируя вопрос семантики конструкции, С. Курода приходит к выводу, что *haben* + причастие II не обозначает предшествующее действие, но выражает состояние субъекта, которое

одномоментно времени, представленному временной морфемой (Tempusmorphem) вспомогательного глагола [20: 60–61].

С точки зрения О. А. Смирницкой, преобладание примеров без согласования у Отфрида в противовес примерам с прямым дополнением и согласуемой формой причастия в «Татиане» можно трактовать как тенденцию к «формальному отграничению предикативной связи от атрибутивной» [10: 46].

Изменения в семантике конструкции у Отфрида и Ноткера Ю. С. Маслов объясняет тем, что Отфрид ориентируется в значительной степени на классические латинские примеры, в которых конструкция обладает результативно-статальным характером, в то время как Ноткер отражает «народный» язык, где развитие семантики потеряло внутреннюю связь с исходным статально-результативным значением [7: 276–277].

Э. Оубоузар отмечает, что в конструкции haben + причастие II «обе части структуры уже слились в единое целое...» [25: 11–12], то есть она претерпела определенную степень грамматикализации. Но даже в произведениях Ноткера большинство примеров по-прежнему можно трактовать как композиционные [25: 12].

В противовес вышеперечисленным взглядам Б. Дринка полагает, что уже в «Татиане» представлен грамматикализированный перфект [16: 233]. Аналогичным образом рассматривается семантика конструкции в работе И. Даль, где утверждается, что у того же Отфрида она выражает не состояние, но относящееся к прошлому действие [14: 140]. О. Гренвик считает, что даже самые ранние примеры (Exhortatio, около 800 года – *eigut intfangan* – перевод латинского перфекта *accepistis*) следует рассматривать как перфект [17: 150].

Таким образом, как верно отмечает М. Гилманн, среди исследователей существует консенсус относительно того, что в конструкции явно выделяется результативный компонент. Но была ли это копулативная конструкция с результативной функцией (то есть результатив) или слабо грамматикализированный презентный перфект, остается спорным [17: 151]. Вызывают вопросы и пути ее становления. В общепринятом подходе [14: 139] за скобками остаются механизмы и причины семантических сдвигов.

Результатив и перфект

Различия между двумя формами были впервые всесторонне продемонстрированы на примере обширного типологического материала в работе «Типология результативных конструкций», где результатив рассматривается как форма, указывающая на состояние предмета, вызванного предшествующим действием; перфект обозначает действие, последствия которого прослеживаются или важны для настоящего момента [8: 7,

12], [9: 11–13]. Презентный перфект (в частности, в английском языке) имеет ряд значений, среди которых результативное, обозначающее «состояние в настоящем, которое является результатом прошедшего действия» [12: 56], что не тождественно результативу [9: 14]. Отличие результата от этого значения перфекта заключается в акцентировании состояния, а не действия, хотя формально провести данное отличие довольно сложно [13: 134–135].

Э. Даль утверждает, что семантически результатив отличается от перфекта присутствием результата в узком смысле, то есть соотношением результата действия с непосредственно связанными с ним участниками, в то время как семантика перфекта характеризуется более широким результатом и выходит за рамки непосредственных участников ситуации [13: 135]. Отсюда вытекает лексическая ограниченность результата: в отличие от перфекта он сочетается с ограниченным набором лексем, которые, как правило, означают ту или иную форму изменения или действий, имеющих *предельный* характер [9: 10].

В современном немецком языке анализ перфекта связан с решением ряда сложных задач: совмещение претеритальной и перфектной семантики, семантическая разложимость/неразложимость на компоненты, взаимодействие с темпоральными наречиями и т. п. [24] (о семантике немецкого перфекта по сравнению с другими языками, в частности английским, см. [19], [28]). Для современного немецкого языка возникает также проблема соотношения семантики перфекта с формами, которые являются его диахроническими предшественниками. Так, в английском языке широко представлено противопоставление перфекта и результата: *have done something* vs *have something done*. В немецком формально-синтаксическое противопоставление такого рода крайне ограничено: две формы могут иногда разграничиваться по незначительному ряду лексем или на просодическом уровне, когда результатив маркируется усилением ударения на причастии [7: 256]. Кроме того, в отличие от современного немецкого перфекта haben + причастие II в древневерхненемецком, как правило, не использовалось в прошедших контекстах [20: 61–63], [25: 14–18].

Учитывая все это, мы в фокус нашего анализа ставим сравнение результативной и перфектной семантики, наиболее выпукло представленной в английском языке, и не прибегаем при анализе к сравнению с семантикой современного немецкого перфекта.

АНАЛИЗ ДАННЫХ

«Татиан» и Отфрид. Первый и второй этапы

В «Татиане» из шести примеров конструкции с посессивным глаголом пять представлены причастными формами, сочетающимися

с прямым дополнением: **habes managiu guot gisaztiu** – *много добра лежит* (досл. **имеет много добра установленного**) (Lk 12: 19), **thaz sie haben minan gifehon giuultan** – чтобы они **имели мою радость свершенную** (Jn 17: 13), **phigboun habeta sum giflanzotan** – некто **имел посаженную смоковницу** (Lk 13: 6), **thia ih habeta gihaltana** – *которую я хранил* (досл. **которую имел хранимой**) (Lk 19: 20), **habet sia forlegana** – **прелюбодействовал с нею** (Mt 5: 28). В одном случае второе причастие фиксируется в краткой форме [4: 225]: **fiuui ubar thaz haben gistriunit** – *два таланта на них приобрел* (Mt 25: 22)¹. В четырех примерах древневерхненемецкий вариант является передачей аналогичной латинской конструкции: *habes multa bona posita, habeant gaudium meum impletum, arborem fici habebat quidam plantatam, quam habui repositam*. О том, что использование **haben** + причастие II не является калькированием оригинала и что к моменту перевода «Татиана» данная конструкция существовала в языке, говорит ее употребление в этом же тексте для передачи латинского пассивного перфекта: *lucratus sum* (приобретать), *mæchatus est* (прелюбодействовать).

В данных примерах **haben** полностью сохраняет лексическое значение обладания и, судя по контекстам, в большинстве случаев используется, когда речь идет о непосредственном владении (неотчуждаемом или отчуждаемом), тем самым создавая плотный синтактико-семантический комплекс с дополнением. Элементы в конструкции, однако, не настолько спаяны в семантическом смысле, чтобы составлять отдельное грамматическое единство. Фактически в таком виде мы имеем сочетание полнозначного глагола с дополнением, определяемым причастием, что близко, хотя и неравнозначно последовательности *сказуемое – определение – дополнение*. Причастие, функция которого определяется как атрибутивная (ср. [26: 162]), отличается от атрибутивной группы своей синтаксической позицией: второе причастие всегда находится в постноминальной позиции ($N_{acc} + V_{haben} + V_{pl}$ или $V_{haben} + N_{acc} + V_{pl}$), то есть маркированной по сравнению с позицией *прилагательное – существительное*, что в определенной степени способствует выделению глагольной характеристики причастия. Иными словами, в сочетании данного типа формальное согласование второго причастия и дополнения отражает форму управления в сочетаниях прилагательного с определяемым им существительным (отсюда следование парадигме сильного склонения прилагательного).

При этом, несомненно, причастия никогда не выражают самого прошедшего действия, что, как отмечает Ю. С. Маслов, подтверждается ограниченностью на их образование, и в целом являются словами, обозначающими

...состояние, в котором находится предмет, взятое как производный момент определенного процесса, движения, действия [6: 53].

Следовательно, **haben** + причастие II в таком виде предстает как относительно свободное двухвершинное сочетание элементов в синтаксически очерченных рамках, в которых первая и семантически важная вершина представлена сочетанием посессивного глагола с дополнением, а вторая – причастием, выступающим в качестве приложения, придающего дополнению атрибутивно-глагольные характеристики: состояние объекта, в котором он находится в момент говорения (параллельно действию, выражаемому посессивным глаголом), в результате выполненного над ним действия. Данный тип конструкции мы будем называть результативом первого типа.

Примеры с краткой формой причастия у Отфрида становятся доминирующими: в выборке примеров из «Книги Евангелий» из 51 употребления конструкции зафиксировано всего лишь 3 примера с флектированным причастием: два с **haben** и один с **eigan**, к которым, по мнению Й. Динингоффа, Отфрид прибегает из-за необходимости использовать рифмы (*in der Reimnot*), а единственный пример из Ноткера (*er hábet álegáro gespánnenen sínen bogen* – он имеет свой лук уже натянутым) он считает опiskeй, поскольку в других рукописях «Псалмов» в аналогичном примере используется нефлектированная форма [15: 18].

Рассмотрим сначала, какие синтаксические различия существовали между конструкциями с двумя формами причастий. Прежде всего, в качестве дополнения начинают выступать разного рода существительные, обозначающие понятия, резко увеличивается количество местоимений: *íngang therera uuórolti* ‘вход того мира’, *dróst* ‘печаль’, *mih* ‘меня’, *thaz* ‘это, то’. Данные формы едва ли могут использоваться с посессивным глаголом в его непосредственном значении обладания/удержания. Кроме того, происходит изменение в сфере подлежащего. В конструкции с флектированным причастием всегда используются одушевленное существительное или прилагательное, обозначающие человека, который находится в состоянии обладания различными предметами: *tna* ‘мина’, *phigboun* ‘смоковница’. В конструкции с нефлектированным причастием в качестве подлежащего могут уже употребляться, хотя и редко, неодушевленные предметы (из 51 всего 2 примера):

(1) *Niuui boran habet thiz lant*, then hímlisgon héilant – *вновь породила земля сия* небесного Спасителя (досл. **новорожденным имеет сия земля**)².

(2) *álduam súaraz*... *Iz hábet ubarstígana*, in uns iúgund mánaga – *возраст темный* в нас молодость **преодоле**л (досл. **имеет в нас молодость преодоленную**) (Krist).

Подлежащие *lánt* и *áltduam* не являются агентивными. При этом и второе причастие в результате первого типа также не является агентивным, оно лишь указывает на состояние, а выполненное действие предстает как фоновое, логически подразумеваемое. Следовательно, изменяется функция причастия, которое теперь следует охарактеризовать как динамическое, но не атрибутивное.

Кроме того, внутри конструкции с нефлексированным причастием появляются примеры с несколькими дополнениями, одно из которых (косвенное) может использоваться с предлогом:

(3) *ih haben iz fúntan in mîr* – я это *в себе* обнаружил (Krist).

Динамичность семантики причастия в конструкции подтверждается наличием примеров сочетания субстантивной группы (с предлогом *mit*) в инструментальном значении. Такие примеры встречаются уже в произведении Отфрида:

(4) *in éigun sie iz firméinit. mit uuáfanon gízéinit* – им они это *возвестили, орудием* показали (Krist).

или же с местоимением *selbo* ‘сам’:

(5) *Bi thiú hábet unz iz selbo gót. hiar fórna nu gibíldot* – и поему Бог *сам* нам этот пример здесь *привел* (Krist).

В вышеприведенных контекстах субъект, выраженный подлежащим, является агенсом, что не всегда прослеживалось в результативной конструкции первого типа, в которой, как правило, агенс и подлежащее не совпадали: акцент в ней всегда ставится на обладании предметом, находящимся в определенном состоянии.

Таким образом, ряд фактов указывает на то, что конструкция с кратким причастием вполне подходит на роль перфекта. Но так ли это на самом деле?

Обращает на себя внимание то, что все глаголы с анализируемой конструкцией в «Книге Евангелий» являются предельными, с *haben* + причастие II не фиксируются наречия типа *er* (ранее), указывающие на прошедшее действие, но не на результирующее состояние, нет примеров без дополнений. Предложения типа *so uuir éigun nu gispróchan* ‘как мы говорили’ и *nu gene al éigun sus gidán* ‘таким образом, все те так и сделали’ трудно назвать безобъектными, поскольку присутствие наречий *so* ‘так’ и *sus* ‘таким образом’ могут выступать в качестве дополнений, отсылающих к предыдущей части предложения. Аналогичные синтаксические связи прослеживаются в примере из «Татиана»:

(6) *senu thin mna, thia ih habeta gihaltana in sueizduohhe* – вот твоя *мина*, *котопую* я хранил, завернув в пла-ток (Tatian).

Причастие *gihaltana* согласуется с союзом *thia*, который, в свою очередь, соотносится с существительным *mna*. Употребление неодушевленных

существительных в качестве подлежащего также не может выступать убедительным аргументом в пользу перфектной семантики данной конструкции.

Неопровержимым свидетельством перфектной семантики конструкции может стать использование неопределенно-личного местоимения, которое не фиксируется ни в древнеанглийском (*hit/it*), ни в древневерхненемецком (*iz*) [11]. Каким же образом можно интерпретировать семантику конструкции *haben* с кратким причастием? Мы полагаем, что ее также можно охарактеризовать как статальный результатив.

В древневерхненемецком языке сильное склонение прилагательных, как правило, в винительном падеже имело флексии (например, сильное склонение -a/-o м. р. *blintan*, ж. р. *blinta*, ср. р. *blintaz*), которые спорадически опускались (например, *blint*). Данное явление прослеживалось также и в именительном падеже единственного и множественного чисел всех родов. Причастия, как мы уже отмечали, следовали парадигме сильного склонения прилагательного (ср., например, [22: 39]), и, следовательно, по аналогии с прилагательным в конструкции с посессивным глаголом использовалось флексированное причастие, которое выполняло атрибутивную функцию (аналогично прилагательному) при субстантивном дополнении. Однако спорадическое опущение флексий, как мы полагаем, не могло бы внести в конструкцию те семантические и синтаксические изменения, о которых шла речь выше. Иные факторы, чем простое спорадическое опущение флексий, должны были вызвать изменения. Наличие или отсутствие флексий у причастий не только не способствовало бы проведению демаркационной линии между перфектом и перфектоподобной конструкцией [21: 119], но едва ли могло привести к десемантизации и самого посессивного глагола.

Мы полагаем, в развитии второй ступени результативной конструкции (результатива второго типа) важную роль сыграли сразу несколько процессов. Изменения должны были начаться с расширения коллокационного потенциала посессивного глагола, что, несомненно, к моменту написания самых ранних произведений было полностью осуществлено. Смысл данного процесса заключается в том, что глагол *haben* широко используется в различных сочетаниях, и его семантика расширяется до обозначения некоего отношения между предметами, то есть фактически глагол приобретает функцию копулы, аналогичной той, которая характерна для бытийного глагола. При этом сохраняется и центральное значение обладания/удержания. Это подтверждается сочетаниями *haben* в произведении Отфрида:

(7) *thu habes then diufal in thir* – в тебе *дьявол* (досл. ты *имеешь дьявола* в себе – локативное значение, ср. пример 1)³.

(8) in ímo **habeta fruma** mánagfalta – **проявлял** к нему большой *интерес* (досл. **имел** к этому *интерес* большой) (Glossar der Sprache Otfrids).

Появление подобных сочетаний с посессивным глаголом в значительной мере должно было отразиться на отношениях между ним и вторым причастием. В такой позиции оно начинает восприниматься как предикативная часть более общего комплекса, выражающего отношения субъекта к объекту. Как отмечал Э. Бенвенист, в германских языках существовали все структурные предпосылки для появления конструкции *haben* и второго причастия по аналогии с конструкцией с бытийным глаголом во многом благодаря взаимодополняющему функционированию этих двух вспомогательных глаголов [2: 203–224]. В настоящее время многие исследователи рассматривают конструкцию *sin/wesan* + причастие II как неграмматизированную, композиционную структуру, состоящую из нескольких лексически полных элементов [23: 44 et passim]. Как показано в [23], использование нефлектированного второго причастия в качестве предикативного элемента не делает данные конструкции грамматизированными. Исходя из такой картины можно предположить, что семантические изменения в конструкции с посессивным глаголом (расширение семантической сферы *haben*) и функциональная близость вспомогательных глаголов (*haben* и *sin*) повлекли за собой структурную модификацию конструкции. В предикативной функции в конструкции *sin/wesan* + причастие II причастие, как, в принципе, и прилагательное в той же функции в древневерхненемецком, имело тенденцию к употреблению в нефлектированной форме.

Расширенное использование посессивного глагола позволяет привлекать в качестве второго причастия такие глаголы, как *ginoman* ‘брать’, *ferloren* ‘терять’, которые при сохранении у *haben* непосредственного значения обладания употребляться не могут, так как такие сочетания являются нелогичными: обладать чем-либо, что потеряно или отнято. На то, что *haben*, в частности у Отфрида, используется в копулативной функции, указывает тот факт, что ни один из примеров конструкции не употреблен без дополнения. В дальнейшем предикативная функция причастия способствовала изменению синтаксических связей внутри конструкции: во-первых, на первый план выдвигается действие. Так, в примере

(9) *thaz thiz uuib. firuوراht hábet ira lib* – что эта женщина *свою жизнь погубила* (досл. **имеет** *свою жизнь погубленной*) (Krist).

сочетание *firuوراht hábet ira lib* можно рассматривать как *ira lib ist firuوراht*, к которому примыкает посессивный глагол. Иными словами, «у нее есть жизнь, которая погублена». Во-вторых, глагольные характеристики причастия способствуют переосмыслению субъектно-

объектных отношений. Если ранее подлежащее не ассоциировалось с выполненным над объектом действием, логически вытекавшим из семантики причастия, то теперь оно непосредственно привязывается к агенту как единственно возможному инициатору или исполнителю совершившегося действия, поскольку через посессивный глагол выражается отношение причастности к выполненному над объектом действию. То есть, если основная семантическая нагрузка в результате первого типа находилась в сфере сочетания *haben* с дополнением, то теперь она переносится на предикативную часть: конструкция трансформируется из двухвершинной (биклаузной) в одновершинную (моноклаузальную) структуру.

При этом общая семантика конструкции по-прежнему остается результативной: субъект-агент через посессивный глагол выражает свое отношение (контроль, сопричастность) к объекту, над которым он (субъект-агент) выполнил действие. Иными словами, субъект выступает бенефактивом, который, как отмечает Р. Шродт, определенным образом связан с объектом [29: 16], и эта сопричастность выражена посессивным глаголом. Отсюда примеры, в которых подлежащее в данной конструкции может быть неодушевленным (см. примеры 1 и 2). Не исключено, что в этих примерах мы можем иметь дело и с метафорическим переносом человеческих отношений на неодушевленные предметы, что опять-таки позволяет особая семантика посессивного глагола.

Кроме того, даже наличие флектированной формы в ее атрибутивной функции в таком контексте (с расширенной семантикой посессивного глагола) не меняет отношений внутри конструкции:

(10) *Sie éigun mir ginómanan. liabon druhtin minan* – они *у меня забрали моего любимого Господа* (Krist).

Господь отнят у меня определенными людьми, и из контекста вполне очевидно, что они (те, кто отнимал) не владеют объектом (непосредственное обладание), но, скорее, причастны к той ситуации, в которой говорящий оказывается лишенным Господа. При этом общая семантика конструкции остается неизменной и при наличии флектированного причастия. Следовательно, если Й. Динингофф прав в предположении, что основной причиной использования Отфридом данной формы причастия была необходимость подстраиваться под рифму, как мы видим, семантически данная форма не выделялась как неестественная или маркированная. В этой связи нельзя согласиться с Р. Шродтом, который называет примеры без приставки *gi-* нерезультативными (дуративными), как в следующем контексте из Отфрида:

(11) *ih haben iz fúntan in mîr. ni fand ih líabes uuht in thîr* – в себе я это **нашел** (**испытал, ощутил**), но не нашел я ни капли любви в тебе (Krist).

Как отмечает В. Г. Адмони, приставка *gi-* зачастую отсутствует «...в причастии II глаголов с ярко выраженной результативно-перфективной семантикой (*werdan*, *bringan* и т. п.)» [1: 41], что прослеживается в примере (11). В этой связи, как мы полагаем, незначительное количество *haben* + причастие II в «Татиане» можно объяснить именно интенсивным применением префигированных претеритальных форм (с приставкой *gi-*) с результативно-перфективной семантикой при передаче латинского синтетического перфекта. Семантика результативной конструкции с посессивным глаголом (в обоих ее вариантах) все же была несколько удалена от семантики латинского перфекта, да и перфектной семантики в целом.

Отфрид и Ноткер. Третий этап

Анализируя развитие перфекта в немецком языке, А. Харрис отмечает, что на десемантизацию *haben* недвусмысленно указывает употребление возвратных глаголов, и вплоть до изменения семантики конструкции таких примеров найти нельзя. Ссылаясь на работу Й. Динингоффа, она отмечает, что контексты с рефлексивным прямым дополнением встречаются впервые у Ноткера:

(12) *si habet sih erretet* – она *себя* спасла [18: 543].

У Отфрида, однако, находим следующий пример:

(13) *ioh kristes tódes thuruh nót. ther liut sih habet giéinot* – и *из-за смерти Христа* через нужду люди *объединились* (Krist).

Глагол *gieinon* у Отфрида используется также и в конструкции с бытийным глаголом, но без возвратного местоимения *sih*:

(14) *uuanta sie uuárun thuruh nót. sines tódes giéinot* – они *объединились* (досл. *были объединенными*) из-за смерти Христа (Krist).

Сравнивая данные примеры, следует признать, что *sih* в примере (14) не является прямым дополнением, но выступает как неотъемлемая часть рефлексивного глагола. Посессивный глагол не десемантизирован, и его использование можно объяснить наличием субстантивной группы в родительном падеже *kristes tódes*, отношением к которой (обстоятельство причины) и выступает глагол *habet*. Таким образом, *haben* + причастие II в данном примере также следует рассматривать как результатив с косвенным дополнением. Но даже если *sih* могло бы выступать как рефлексивное прямое дополнение, наличие рефлексива не отменяет того факта, что *haben* используется с описанной выше семантикой, а конструкция является результативом.

Каким образом развивался результатив в дальнейшем? Переход от результата второго типа к перфекту осуществляется не сам по себе, но при наличии определенных семантических

условий. Э. Бенвенист впервые выдвинул предположение, что такие условия обязательно должны включать: 1) значение посессивного глагола – «иметь, обладать», но не «держатъ», 2) причастие глагольное, но не адъективное, 3) глагол, используемый в форме второго причастия, обладает сенсорно-интеллектуальной семантикой [11: 16]. Развивая эту идею на материале английского языка, К. Кэри показывает, что в переходе от статально-результативной семантики к темпорально-антериорной ведущую роль играют глаголы с семантикой ментальной деятельности (глаголы восприятия), а также говорения, употребляемые в дуративно-итеративных контекстах, то есть, в терминах Э. Бенвениста, глаголы «сенсорно-интеллектуальной» семантики. Именно в таких примерах наиболее четко прослеживается отношение между субъектом-агентом действия и завершенным действием, результаты которого направлены не на внешний объект, но на сам субъект, выраженный подлежащим. К. Кэри называет такую конструкцию *RS-Proc (Resultant State Process)*, то есть статально-результативная процессная конструкция. Именно в ней совершается последний шаг в направлении перфекта благодаря усилению глагольного действия и расширению локуса релевантности антериорного события с субъекта на более широкий дискурсный контекст [11: 47–84]. Рассмотрим *haben* + причастие II в древневерхненемецком с точки зрения данной гипотезы.

В «Книге Евангелий» Отфрида фиксируются глаголы ментальной деятельности и говорения с конструкцией *haben* + причастие II – а) глаголы ментальной деятельности: *gimeinit*, *firnomán*, *irdeilit*, *bithenkit*, *gihorit* и б) глаголы говорения: *gisprochan*, *gizaltan*, *giheizan*. В общем количестве из 51 примера *haben* + причастие II на глаголы категорий (а) и (б) приходится 12 случаев, то есть практически четверть всех зафиксированных примеров. Примечательно, что все примеры употребляются либо с прямым дополнением, либо с дополнением, выраженным придаточным предложением с союзом *thaz* 'что' (о глаголе *gisprochan* упоминалось выше). Исключением, пожалуй, является следующий пример:

(15) *Hábet er giméinit. mit mir thia uuórolt heilit* – *пешил* он, что будет со мной лечить этот мир (Krist).

В примере (15) вторую часть строки, вероятно, следует считать бессоюзным расширением первой строки. Общим для семантики конструкции с вышеприведенными категориями глаголов является то, что подлежащее находится в состоянии завершенности действия, которое было направлено вовнутрь на сам субъект:

(16) *Éigun sie iz bithénkit. thaz síllaba in ni uuénkit* – *пешили* они, что у них слог не шатается (Krist).

Объект на первых этапах все еще сохраняется, но акцент смещается с объекта (при увеличении

примеров с сентенциальным объектом, становящимся фоновым при выделении действия) на подлежащее, то есть субъект и процесс находятся в прямом отношении, которое выражается через *haben*.

У Ноткера количество таких примеров возрастает. Происходит еще один виток синтаксических изменений, которые протекают внутри *haben* + причастие II. Появляются безобъектные случаи употребления конструкции, а также возрастает частотность примеров с объектом в косвенном падеже. Так, в произведениях Ноткера примеры с дополнением в винительном падеже представлены в 276 случаях, включая употребление второго причастия в форме с отрицательной приставкой *un-* (*ungelirnet*). Количество примеров с рефлексивом в винительном падеже – 20, с дополнением в родительном падеже – 16, безобъектных – 65 и с дополнением, выраженным разными типами придаточных предложений, – 26. Итак, при несомненном доминировании примеров с прямым дополнением мы видим серьезные синтаксические изменения, которые произошли в течение ста лет после Отфрида, среди которых наиболее важным является использование косвенных дополнений и безобъектных примеров. О появлении примеров с интранзитивными глаголами следует говорить отдельно (см. 3 на материале древнеанглийского языка).

Важным является тот факт, что 18 глаголов из безобъектной группы составляют глаголы ментальной деятельности и говорения, которые у Отфрида использовались с прямым или сентенциальным дополнением. К этой же группе следует отнести такие причастия, как *gesundot* ‘согрешив’, *gelogan* ‘солгав’, семантика которых также указывает на действие, направленное на сам субъект⁴. Такую конструкцию, которая указывает на состояние субъекта в результате выполненного им же действия, мы называем субъектный результатив.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного анализа можно сделать основной вывод, что конструкция *haben* + причастие II являлась результативом и обладала статально-результативной семантикой. Можно выделить три вида результативов. Изначальное развитие конструкции с посессивным глаголом и флектированной формой второго причастия (результатив первого типа) происходило в ходе семантико-коллокационного расширения посессивного глагола и дальнейшего преобразования причастия по примеру предикативной формы прилагательного, а также конструкции *sin/wesan* + причастие II, что привело к появлению результатива второго типа с краткой формой причастия, но по-прежнему со статально-результативной семантикой. Отношения внутри конструкции, однако, изменились: субъект, выраженный в подлежащем, теперь становится бенефактивом, имеющим определенное отношение к действию, контроль над ним, сопричастность к действию. Дополнение остается в такой конструкции важным элементом, поскольку действие субъекта-агенса направлено вовне на объекты, измененное состояние которых по-прежнему принадлежит субъекту. Кардинальное изменение конструкции происходит в рамках результатива с глаголами ментальной деятельности и говорения, а также тех глаголов, которые указывают на действие, направленное на субъект-агенса. Здесь усиливается акцент на действии. На этой ступени развития конструкция трансформируется в субъектный результатив, который выражает состояние субъекта после выполненного действия, что влечет за собой значимые синтаксические трансформации: возрастают примеры с косвенными дополнениями, а также появляются примеры, в которых отсутствует дополнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Tatian. Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar. E. Sievers (Hrsg.), Zweite neubearb. Ausg. Paderborn, 1892. 518 s.
- ² Krist. Das älteste, von Otfrid im neunten Jahrhundert verfasste, hochdeutsche Gedicht, nach den drei gleichzeitigen, zu Wien, München und Heidelberg befindlichen, Handschriften. E. G. Graff (Hrsg.). Königsberg, 1831. 446 s. Далее в круглых скобках – Krist.
- ³ Glossar der Sprache Otfrids. Bearbeitet von Johann Kelle. Regensburg, 1881. 772 s. Далее в круглых скобках – Glossar der Sprache Otfrids.
- ⁴ Die Schriften Notkers und seiner Schule. P. Piper (Hrsg.). Bd. I–III. Freiburg, 1882–1883. Bd. I. 868 s. Bd. II. 644 s. Bd. III. 415 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 336 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Бондарь В. А. *Habban* + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 75–91.
4. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1983. 200 с.
5. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый вид сочетаний частичного и полного слова (На материале истории немецкого языка) // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 322–361.
6. Маслов Ю. С. Возникновение сложного прошедшего в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1940. 259 с.
7. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание // А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. 848 с.

8. Недеялков В. П., Яхонтов С. Е. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. 263 с.
9. Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира // Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Перфект и смежные категории. Acta Linguistica Petropolitana. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (ред.). Т. XII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2016. С. 7–36.
10. Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола / В. Н. Ярцева (ред.). М.: Наука, 1977. С. 5–127.
11. Carey K. Pragmatics, subjectivity and the grammaticalization of the English perfect. PhD dissertation. San Diego: Univ. of California, 1994. 165 p.
12. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
13. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
14. Dal I. Kurze Deutsche Syntax auf Historischer Grundlage. Berlin: De Gruyter, 2014. 292 s.
15. Dieninghoff J. Die Umschreibungen aktiver Vergangenheit mit dem Particium Praeteriti im Althochdeutschen. Diss. Bonn: Universitäts-Buchdruckerei, 1904. 66 s.
16. Drinka B. Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 487 p.
17. Gillmann M. Perfektkonstruktionen mit “haben” und “sein”. Eine Korpusuntersuchung im Althochdeutschen, Altsächsischen und Neuhochochdeutsch. Studia Linguistica Germanica, 128. Walter de Gruyter. Berlin; Boston, 2016. 333 s.
18. Harris A. C. Cross-Linguistic Perspectives on Syntactic Change // Brian D. Joseph and Richard D. Janda (eds.). The Handbook of Historical Linguistics. Blackwell Publishing Ltd., 2003. 881 p.
19. Klein W., Vater H. The Perfect in English and German // L. Kulikov & H. Vater (Eds.) Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 215–235.
20. Kuroda S. Die historische Entwicklung der Perfektkonstruktionen im Deutschen. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1999. 143 s.
21. Larsson I. Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish. PhD Dissertation. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2009. 493 p.
22. Lockwood W. B. Historical German Syntax. Oxford: Clarendon Press, 1968. 279 p.
23. Mailhammer R., Smirnova E. Sources of passive constructions in Old High German and Old English // Gabriele Diewald, Leena Kahlas-Tarkka and Ilse Wischer (eds.). Comparative Studies in Early Germanic Languages. With a focus on verbal categories. John Benjamins. 2013. P. 41–70.
24. Musan R. The German perfect: its semantic composition and its interactions with temporal adverbials. Springer Science & Business Media, 2002. Vol. 78. 271 p.
25. Oubouzar E. Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbalsystem // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1974. Vol. 95. S. 5–96.
26. Paul H. Die Umschreibung des Perfekts in Deutschen mit haben und sein // Abhandlungen der Philosophisch-Philologischen Klasse der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1902. Bd. 22. Abt. 1. S. 159–210.
27. Rittenhouse R. Verbal periphrasis in two early Germanic languages: a comparative study of the passive and perfect in the Old High German Evangelienbuch and the Old Saxon Heliand. PhD dissertation. Univ. of Wisconsin – Madison, 2014. 122 p.
28. Rothstein B. The perfect time span: On the present perfect in German, Swedish and English. Amsterdam: Benjamins, 2008. 171 p.
29. Schrödt R. Althochdeutsche Grammatik II: Syntax. Tübingen, 2004. 242 s.

Bondar V. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE OLD HIGH GERMAN SOURCE OF THE PRESENT DAY PERFECT: DEVELOPMENT OF THE SEMANTICS OF THE HABEN + PAST PARTICIPLE CONSTRUCTION

The aim of the paper is to perform a syntactic and semantic analysis of the haben + participle II construction on the basis of the sample from the material pertaining to the Old High German period. The investigation employed the method of contextual analysis of the semantics of the verbs used as past participles in the construction as well as its syntactic environment. The novelty of the research is that it shows a detailed picture of mechanisms underlying semantic shifts of haben + participle II, which functioned as a resultative during the whole period and possessed a state-resultant semantics. At the starting point the construction embraced the syntactic pattern of the possessive verb and inflected past participle. Later, in the course of the semantic and collocational expansion of the possessive verb and further transformation of the past participle on the model of the predicative form of the adjective and the construction sin/wesan + participle II, the construction yielded the resultative of the second type with a short (uninflected) form of the participle. The second type of the resultative also retained a state-resultant semantics. In the text of Otfrid and to a larger extent in the works by Notker, it became possible to identify the subjective resultative. The main conclusion of the paper, which fits into the grammaticalization theory, is the statement that the key impetus for the change of haben + participle II, at different stages of its development during the Old High German period was a semantic shift in relations between constituents within the construction, which triggered its further morpho-syntactic transformations.

Key words: perfect, resultative, syntax, morphology, grammatical semantics, grammaticalisation, Old High German

REFERENCES

1. Admoni V. G. Historical syntax of the German language. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 336 p. (In Russ.)
2. Benveniste E. General linguistics. Moscow, Progress Publ., 1974. 446 p. (In Russ.)
3. Bondar V. A. Have + participle II with motion verbs in Old English. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2017. № 5. P. 75–91. (In Russ.)

4. Gukhman M. M., Semeniuk N. N. History of the German literary language of the IX–XV cc. Moscow, Nauka Publ., 1983. 200 p. (In Russ.)
5. Gukhman M. M. Verbal analytic constructions as a special type of combination of a partial and a full word (Based on the material of the history of the German language). *Issues of the grammatical system*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. P. 322–361. (In Russ.)
6. Maslov Ju. S. The rise of the complex past tense in the German language. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, LGU Publ., 1940. 259 p. (In Russ.)
7. Maslov Ju. S. Selected works: Aspectology. General linguistics. Bondarko A. V., Majsak T. A., Plungjan V. A. (ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 848 p. (In Russ.)
8. Nedjalkov V. P., Jahontov S. E. (red.). Typology of the resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect). Leningrad, Nauka Publ., 1983. 263 p. (In Russ.)
9. Plungjan V. A. On typology of the perfect forms in languages of the world. *Studies on the theory of grammar. Issue 7: Perfect and related categories. Acta Linguistica Petropolitana*. T. Maisak, V. A. Plungjan, Ks. P. Semenova (eds.) Vol. XII. № 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. P. 7–36. (In Russ.)
10. Smirnickaja O. A. Evolution of the tense and aspect system in Germanic languages. *Historical and typological morphology of Germanic languages. The category of verb*. V. N. Jarceva (red.). Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 5–127. (In Russ.)
11. Carey K. Pragmatics, subjectivity and grammaticalization of the English perfect. PhD dissertation. San Diego: Univ. of California, 1994. 165 p.
12. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
13. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
14. Dal I. Kurze Deutsche Syntax auf Historischer Grundlage. Berlin: De Gruyter, 2014. 292 s.
15. Dieninghoff J. Die Umschreibungen aktiver Vergangenheit mit dem Participium Praeteriti im Althochdeutschen. Diss. Bonn: Universitäts-Buchdruckerei, 1904. 66 s.
16. Drinka B. Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 487 p.
17. Gillmann M. Perfektkonstruktionen mit “haben” und “sein”. Eine Korpusuntersuchung im Althochdeutschen, Altsächsischen und Neuhochdeutsch. *Studia Linguistica Germanica*, 128. Walter de Gruyter: Berlin; Boston, 2016. 333 s.
18. Harris A. C. Cross-Linguistic Perspectives on Syntactic Change. *Brian D. Joseph and Richard D. Janda (eds.), The Handbook of Historical Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2003. 881 p.
19. Klein W., Vater H. Perfect forms in English and German. *L. Kulikov & H. Vater (Eds.) Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 215–235.
20. Kuroda S. Die historische Entwicklung der Perfektkonstruktionen im Deutschen. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1999. 143 s.
21. Larsson I. Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish. PhD Dissertation. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2009. 493 p.
22. Lockwood W. B. Historical German Syntax. Oxford: Clarendon Press, 1968. 279 p.
23. Mailhammer R., Smirnova E. Sources of passive constructions in Old High German and Old English. *Gabriele Diewald, Leena Kahlas-Tarkka and Ilse Wischer (eds.), Comparative Studies in Early Germanic Languages. With a focus on verbal categories*. John Benjamins, 2013. P. 41–70.
24. Musan R. The German perfect: its semantic composition and its interactions with temporal adverbials. *Springer Science & Business Media*, 2002. Vol. 78. 271 p.
25. Oubouzar E. Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbalsystem. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1974. Vol. 95. S. 5–96.
26. Paul H. Die Umschreibung des Perfekts in Deutschen mit *haben* und *sein*. Abhandlungen der Philosophisch-Philologischen Klasse der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1902. Bd. 22. Abt. 1. S. 159–210.
27. Rittenhouse R. Verbal periphrasis in two early Germanic languages: a comparative study of the passive and perfect in the Old High German Evangelienbuch and the Old Saxon Heliand. PhD dissertation. Univ. of Wisconsin – Madison, 2014. 122 p.
28. Rothstein B. The perfect time span: On the present perfect in German, Swedish and English. Amsterdam: Benjamins, 2008. 171 p.
29. Schrodtt R. Althochdeutsche Grammatik II: Syntax. Tübingen, 2004. 242 s.

Поступила в редакцию 02.10.2017